

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ И ПРАВОВЫХ НОРМ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

© 2019 г. А. В. Малышкин

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

E-mail: law33region@yandex.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2019 г.

В статье рассматривается взаимодействие правовых норм и религиозных правил в светском государстве.

Аргументируется, что в светском государстве должно происходить не обособление норм права и религиозных предписаний, а напротив, — их интегрирование. Отсутствие нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религией, а также непоследовательное и несистемное их регулирование могут привести как к злоупотреблениям со стороны государства, его органов и должностных лиц в отношении религиозных организаций, верующих, к нарушению прав граждан на свободу совести и вероисповедания, дискриминациям, так и к прямому вмешательству религиозных организаций в деятельность государства, насильственному «обращению в веру», религиозному экстремизму. Предлагаются модель нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религией, на внутригосударственном уровне в светском государстве, а также пути оптимизации законодательства в анализируемой сфере.

Ключевые слова: религия, секуляризация, десекуляризация, правовое регулирование, социальное регулирование, интегрированная юрисдикция, светское государство, религиозные нормы, правовые нормы, социальные нормы.

DOI: 10.31857/S013207690004858-5

В современном мире вопросы о месте религии в обществе и мировоззрении, о взаимодействии религиозных, государственных и иных социальных институтов и норм сохраняют актуальность. На рассмотрение Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) продолжают поступать дела, связанные с реализацией права на религиозную самоидентификацию и свободу совести¹, что свидетельствует о сохранении конфликтности в этих чувствительных для человека сферах. Так, например, постановлением ЕСПЧ от 30 января 2018 г. признано, что органы государственной власти Литвы не смогли установить разумного баланса между правами верующих людей и правом на свободу мнения организации, показавшей серию рекламных роликов, в которых модели демонстрировали одежду с надписями: «Иисус, какие штаны!», «Дева Мария, какое платье!», «Иисус и Мария, что на Вас одето!». Организация была оштрафована органом по защите прав потребителей на 580 евро за нарушение общественной морали, основанной на христианской вере. Однако, по мнению ЕСПЧ, органы власти безосновательно отдали предпочтение защите чувств верующих, не уделив внимания

праву на выражение мнения, учитывая, что имена Иисус и Мария использовались не как религиозные ссылки, а как распространенные в литовском языке эмоциональные выражения².

Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви от 15 октября 2018 г. разорвано евхаристическое общение между Русской Православной Церковью и Константинопольским патриархатом в качестве реакции на создающие «угрозу единству мирового Православия» действия Константинопольского патриархата по созданию единой поместной автокефальной православной церкви на Украине³. Примечательно, что в данном случае исключительно каноническая процедура была инициирована светской властью: 16 июня 2016 г. состоялось обращение Верховной Рады к Вселенскому Патриарху о предоставлении автокефалии Православной церкви на Украине и выдаче ей томоса, а 18 апреля

² См.: Постановление ЕСПЧ от 30 января 2018 г. по делу «Компания “Секмадиенис Лтд.” (Sekmadienis Ltd.) против Литвы» (жалоба № 69317/17) // Бюллетень ЕСПЧ. Росс. изд. 2018. № 7. С. 6–8.

³ См.: Официальный сайт Русской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5283708.html> (дата обращения: 16.01.2019).

¹ См.: The European Court of Human Rights in facts & figures — 2017. Strasbourg, 2018. P. 10, 11.

2018 г. — заявление Президента Украины о том же. В результате 5 января 2019 г. патриархом Константинопольским Варфоломеем подписано Свидетельство об автокефалии Православной церкви Украины, что позволяет говорить о произошедшем «церковном расколе», инициированном светской властью.

Продолжаются военные операции против экстремистской террористической организации «Исламское государство» (запрещена в Российской Федерации), использующей для вербовки сторонников религиозные аргументы и призывы помочь «угнетаемым братьям-мусульманам». Фактически названная террористическая организация на значительных территориях сумела создать квазигосударство — «всемирный халифат» со своими органами управления, валютой, армией, экономической структурой. В ряде европейских стран проходят массовые выступления против исламизации, а в других странах — форсированная, поддерживаемая государством исламизация. Активно возрождается синтоизм в Японии, а новообразованная Церковь поклонения искусственному интеллекту «Путь будущего» (Way of the Future) привлекает в свои ряды все новых и новых адептов.

Указанные события и процессы свидетельствуют о том, что религия и религиозное мировоззрение по-прежнему имеют существенное влияние на людей, проникая во многие сферы жизни. Если ранее считалось, что секуляризация является необратимым историческим процессом, начавшимся с первых рациональных объяснений явлений природы, то в последние десятилетия распространяются идеи десекуляризации, основные положения которой были сформулированы в труде Б. Тернера «Религия и социальная теория»⁴, а также в работе П. Бергера «Десекуляризация мира: возрождающаяся религия и мировая политика», в которой констатируется, что «сегодня мир... столь же жаростно религиозен, как и был всегда», а «эксперименты с секуляризированной религией в целом провалились»⁵.

Рассматривая соотношение религии и политики в работе «Сакральное и секулярное», Р. Инглхарт и П. Норрис связывают религиозность с чувством опасности: жители аграрных стран подвержены рискам. Им угрожают голод, засухи, наводнения, эпидемии; люди ощущают потребность в религии, объясняющей происходящие события, снижающей неопределенность. В процессе индустриального развития люди получают доступ к медицине, образованию, науке; качество жизни повышается, растет ощущение внутренней свободы, а вместе с ней и внутренняя секуляризация, распространяющаяся затем на

общественные институты. Поэтому и религиозное возрождение может происходить вследствие «внешних шоков»: природных бедствий, экономических кризисов, войн, обострения национального чувства, потребности в этнической самоидентификации⁶. В то же время такие «всплески» религиозности не опровергают общей тенденции секуляризации и не снимают с повестки дня вопроса о месте религии в светском государстве, в частности о взаимодействии религиозного и правового регулирования общественных отношений в секулярном мире.

Взаимоотношению норм права и религии посвящены многие исследования, в том числе междисциплинарные, что также подтверждает актуальность этой проблематики. По оценкам Дж. Витте Эмори-младшего, с 1985 г. по 2010 г. только в США издано более 750 книг и опубликовано более 5 тыс. научных статей, посвященных взаимодействию права и религии⁷. Издаются специализированные научные журналы, посвященные исключительно религиозно-правовому взаимодействию по социальным, правовым и политическим вопросам, например широко известное научное издание «Оксфордский журнал права и религии».

Каким должно быть оптимальное взаимодействие права и религии в современном светском государстве? Предполагает ли светское государство обособление сфер правового и религиозного регулирования или, напротив, их интегрирование? Во многом ответ на эти вопросы зависит от того, что мы понимаем под светским государством.

В опубликованных в 2018 г. в журнале «Государство и право» статьях О.В. Мартышина под общим названием «Светское государство»⁸ исследуются различные типы светских государств (нерелигиозные и антирелигиозные), анализируются их признаки, рассматриваются особенности процесса секуляризации и его аспекты (отделение церкви от государства, свобода совести, юридическое равенство религий и др.), а также десекуляризации. Автор отмечает, что понимание светского государства как института, враждебного религии, неправильно, поскольку светское государство — это не синоним атеистического государства, каковыми были социалистические страны. Атеистические светские государства были тоталитарными с точки зрения государственного режима. В демократическом светском государстве не

⁶ См.: Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004. P. 16–18.

⁷ См.: Witte J. The Study of Law and Religion in the United States: An Interim Report // Ecclesiastical Law Journal. 2012. Vol. 14. Issue 3. P. 327–354.

⁸ Мартышин О.В. Светское государство (Статья первая) // Государство и право. 2018. № 11. С. 28–40; Его же. Светское государство (Статья вторая) // Государство и право. 2018. № 12. С. 104–115.

⁴ Turner B.S. Religion and social theory: a materialist perspective. London, 1983.

⁵ Berger P.L. The desecularization of the world: resurgent religion and world politics. Michigan, 1999. P. 2, 9.

ведется борьба с религией, но она лишается принудительного характера. При этом создаются условия для реализации свободы совести, предполагающей беспрепятственное следование убеждениям и практике как религиозного, так и нерелигиозного характера⁹.

Как отмечает Дж. Бэйерл, современное светское государство не подавляет распространения какой-либо религии, предоставляя гражданам «свободу выражения», т.е. свободу слова, свободу обучения, свободу объединения и собраний¹⁰. Что касается социалистических государств, где в качестве государственной идеологии был установлен марксизм-ленинизм, неотъемлемым элементом которого являлся атеизм, то существует точка зрения, что Советский Союз не был светским государством, поскольку к религии относились не нейтрально, а воинствующе. Фактически атеизм действовал как государственная религия с созданием культа социализма, разума, возможностей человека¹¹. Однако мы солидарны с О.В. Мартышиным в том, что атеистическое государство является видом светского государства, поскольку светское государство отделено от религии в буквальном значении этого понятия. Государственная идеология (как лояльная к религии, так и антирелигиозная) в той или иной форме и степени обязательности свойственна всем государствам, наличие ее, даже при страстной вере граждан в ее догмы, не делает государство религиозным, не светским.

По мнению Л. Цукки, первое значение явления секуляризма — это не специфический правовой режим, а современное мировоззрение, отчасти возникшее в эпоху Просвещения, включающее в себя философское видение человека и общества и охватывающее все аспекты, касающиеся социального и политического веса религии, разграничения публичной и частной сфер жизни, роли государства в регулировании социальных вопросов, содержания законодательства, цели государственного образования, правил поведения политиков, судей, государственных служащих¹². Но, как отмечает О. Рой, секуляризм как мировоззрение переносит религию в частные, интимные сферы жизни человека¹³. В таком понимании секуляризм не может существовать в демократических государствах, поскольку неизбежно приведет к нарушению свободы вероисповедания¹⁴.

⁹ Мартышин О.В. Светское государство (Статья вторая). С. 115.

¹⁰ См.: Baierl J.J. The Catholic Church and the modern state. NY, 1955. P. 116–118.

¹¹ Barcken W. van den. Ideology and atheism in the Soviet Union. Berlin, New York, 1989. P. 87.

¹² См.: Zucca L. The Crisis of the Secular State: A Reply to Professor Sajo (February 14, 2009). I.CON, 2009. P. 4.

¹³ См.: Roy O. Secularism confronts Islam. New York, 2007. P. 12.

¹⁴ См.: Galo Bilbao Alberdi et al. La laicidad en los nuevos contextos sociales: estudio interdisciplinar, Santander, 2007. P. 304.

Второе значение секуляризма, распространенное в демократических государствах, состоит в том, что на самом высоком законодательном уровне признается свобода религии и убеждений, провозглашается разделение между государством и религиозными учреждениями. В этом понимании религиозные организации не должны осуществлять светскую власть, даже «по милости государя», а светские органы — церковную власть (принцип церковной автономии или невмешательства)¹⁵.

В опубликованном в октябре 2017 г. Исследовательским центром «Pew» (Pew Research Center)¹⁶ анализе отношения к религии в 199 странах все государства были поделены на четыре группы:

страны с государственной религией (таких стран 43, или 22%, в 27 из них государственной религией является ислам, в 13 — христианство. К ним относятся, в частности, Армения, Великобритания, Греция, Дания, Египет, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Исландия, Катар, Малайзия, Норвегия, Пакистан, Саудовская Аравия и др.);

страны, в которых отдельным «традиционным», или «историческим», религиям фактически оказывают преимущество на государственном уровне, даже если это не закреплено в основных законах государства и формально установлены религиозная свобода и равенство религий (40 государств, или 20%. К этой группе исследователи отнесли Беларусь, Болгарию, Грузию, Испанию, Италию, Литву, Молдову, Польшу, Российскую Федерацию, Румынию, Турцию, Финляндию и др.);

страны с нейтральным или одинаковым отношением ко всем религиозным организациям (106 государств, или 53%. К ним, например, относятся Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Индия, Канада, Кипр, Мексика, Сингапур, США, Таиланд, Франция, Чешская Республика, Швеция, Эстония, Южная Корея, Япония и др.);

страны, в которых осуществляются жесткие ограничительные меры по отношению ко всем или отдельным религиозным организациям (10 государств, или 5%. К ним относятся Азербайджан, Вьетнам, Казахстан, Китай, Куба, Кыргызстан, Северная Корея, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

Мы исходим из понимания светского государства как государства, в котором церковь отделена от государства, гарантируются свобода совести и юридическое равенство религий, обеспечивается право

¹⁵ См.: Sajo A. Constitutionalism and Secularism: The Need for Public Reason // Cardozo Law Review. 2009. № 30. P. 2406.

¹⁶ См.: Pew Research Center. 2017. Oct. 3. Many countries favor specific religions, officially or unofficially [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/09/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).

граждан исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, придерживаться любого мировоззрения. Финансовая помощь религиозным организациям в светском государстве не является политикой государства, но допускается в порядке исключения, не по инициативе государственных органов, а как реакция на обращения верующих¹⁷.

Светское государство не должно проявлять полного равнодушия к религии, а также не должно быть настроено враждебно по отношению к религиозному мировоззрению и религиозным нормам, поскольку религиозные нормы усиливают действие права, подводя под него нравственное обоснование. Догмы основных мировых религий зиждутся на аксиомах торжества добра, справедливости, правдивости, честности, человеколюбия, неприятия насилия, поэтому там, где предметы регулирования права и религии соприкасаются, нормы права должны учитывать основы вероучений.

В Евангелии мы находим принцип гражданского повиновения: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящийся сами навлекут на себя осуждение... Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее; ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро»¹⁸. Социальная доктрина Ислама рассматривает государственный строй как установленный свыше, а частную собственность объявляет неприкосновенной¹⁹. Исламовед Г.М. Керимов указывает, что все теоретические концепции ислама о государстве и политике основываются на том, что власть в государстве существует благодаря Божественной справедливости, основывающейся на Шариате, при наличии богобоязненного правителя, который должен быть справедливым²⁰.

Полагаем, что светский характер большинства государств не исключает, а предполагает активное взаимодействие норм права и религии.

А.В. Посашкова выделяет следующие общие положительные стороны взаимодействия правовых и религиозных норм: объективный и полный учет государством интересов верующих; декларация их основных прав и свобод; гарантия защиты от неправомерных действий со стороны государственных органов, общественных организаций²¹.

¹⁷ См.: Мартышин О.В. Светское государство (Статья первая). С. 32.

¹⁸ Рим. 13:1–7.

¹⁹ См.: Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2012. С. 331.

²⁰ Там же. С. 336, 337.

²¹ См.: Посашкова А.В. Взаимодействие религиозных и правовых норм в правообразовании: дис. ... канд. юрид. наук.

В то же время Р. Паломино отмечает следующие возникающие в светских государствах проблемы взаимодействия норм права и религии²²:

а) образование: государство претендует на лидирующую роль в образовании как элементе укрепления демократии и формирования ответственных и инициативных граждан. Вероисповедание также претендует стать частью образовательной программы, поскольку это необходимо для формирования соответствующего мировоззрения. В связи с этим возникают вопросы о том, принадлежит ли только государству ведущая роль в образовании; может ли быть религия частью учебной программы на разных уровнях; если может, то в каких пределах;

б) масштабы и пределы свободы выражения мнения в отношении религиозных идей, взглядов и чувств. Существуют различные способы решения этой проблемы, в частности «законы о богохульстве»; законы о борьбе с диффамацией; уголовные законы, защищающие религиозные чувства и наказывающие за возбуждение религиозной ненависти;

в) религиозная одежда: в отдельных государствах установлены требования религиозно нейтральной идентичности в общественных местах и государственных учреждениях в целях обеспечения свободы граждан от религиозного влияния. Противники таких запретов считают, что государство вынуждает граждан отказываться от собственной культурной и религиозной самобытности;

г) размещение религиозных символов в общественных местах или в государственных учреждениях, когда такие символы определяют идентичность государства. Религиозные символы могут быть частью герба, флага, гимна. При этом могут возникнуть проблемы примирения исторических элементов религиозного характера и символов светского государства;

д) особенности регулирования трудовых правоотношений работников религиозных организаций, к которым предъявляются особые духовные и нравственные требования.

Отсутствие нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религией, а также непоследовательное и несистемное их регулирование могут привести как к злоупотреблениям со стороны государства, его органов и должностных лиц в отношении религиозных организаций, верующих, нарушению прав граждан на свободу совести и вероисповедания, дискриминациям, так и к прямому вмешательству религиозных организаций в деятельность государства,

Владимир, 2010. С. 98.

²² См.: Palomino R. Legal dimension of secularism: challenges and problems // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2012. Vol. 2. P. 208–225.

насильственному «обращению в веру», религиозно-му экстремизму.

Предлагается следующая *модель* нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религией, на внутригосударственном уровне в светском государстве.

В конституции или ином документе, имеющем высшую юридическую силу в светском государстве, следует устанавливать:

указание на светский характер государства, а также на то, что никакая религия не может носить обязательного характера или устанавливаться в качестве государственной. Целесообразно также закрепление положения о том, что атеизм не должен устанавливаться в качестве обязательного мировоззрения;

отделение религиозных организаций от государства и равенство их в отношениях с государством;

возможность приостановления или запрещения деятельности религиозной организации в случаях, если деятельность организации создает угрозу конституционно значимым ценностям;

запрет дискриминации по признаку религии;

гарантии свободы совести и свободы вероисповедания;

запрет на возбуждение религиозной ненависти, а также на пропаганду религиозного превосходства либо религиозной ущербности;

возможность использования религиозных символов в государственной символике (гербе, флаге, гимне).

Приведенные базовые аспекты взаимоотношения государства и религии реализуют положения ст. 18 Всеобщей декларации прав человека²³, ч. 1 и 2 ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁴, Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята 25.11.1981 г. Резолюцией 36/55 на 73-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) и в той или иной степени закреплены в документах, имеющих высшую юридическую силу, в большинстве светских государств (в том числе в ст. 19, 28, 29, 55 (ч. 3) Конституции РФ).

В Конституции Италии, с одной стороны, подчеркивается особый статус Католической церкви, что закреплено в ст. 7: «Государство и Католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере». С другой стороны, в ст. 8 Конституции устанавливается, что «все религиозные исповедания в равной степени свободны перед законом. Некатолические вероисповедания имеют право

создавать свои организации согласно своим уставам, поскольку они не противоречат итальянскому правопорядку». Фактически в Конституции Италии, по справедливому утверждению И.В. Понкина, весь массив религиозных объединений, существующих в стране, разделяется на две части: Католическая церковь и все остальные²⁵, что, по нашему мнению, не соответствует характеру светского государства.

Актуальным и неоднозначным в настоящее время является вопрос о том, необходимо ли в светском государстве правовое регулирование (прежде всего конституционно-правовое) статуса религии, носителями которой являются большинство граждан государства, если высшие руководящие религиозные органы находятся за пределами государства (Ватикан – всемирный центр Католической церкви, Константинопольский патриархат, Московский патриархат и т.п.). Не несет ли такая ситуация угрозу государственному суверенитету? Именно на идее о необходимости сохранения государственного суверенитета основан «церковный раскол», происходящий на Украине. По нашему мнению, в действительно светском государстве, в котором церковь отделена от государственного управления и государственной политики, а само государство является самостоятельным и сильным, нахождение высших руководящих религиозных органов за пределами государства не представляет угрозы государственному суверенитету.

В уголовном праве, а также в административном праве (при наличии такой отрасли в системе права светского государства) религия, обряды, религиозные символы, религиозные объекты, чувства верующих должны являться объектами правовой охраны. Так, ст. 5.26 КоАП РФ установлена административная ответственность за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, умышленное публичное оскорбление либо порчу или уничтожение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики. В ст. 148 УК РФ установлена уголовная ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих, а также за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций, проведению богослужений, других религиозных церемоний.

Законодательство зарубежных стран также защищает религиозные объекты, право на осуществление религиозных обрядов и религиозные чувства верующих. Согласно ст. 170 УК Израиля тот, кто разрушает, повреждает либо оскверняет место для

²³ См.: Росс. газ. 1995. 5 апр.

²⁴ См.: СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

²⁵ См.: Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003. С. 158.

религиозного культа или любой предмет, являющийся святым для общины людей, с намерением посрамить веру либо сознавая, что они могут увидеть в таком деянии оскорбление веры, наказывается тюремным заключением сроком на три года. Уголовный кодекс Австрии предусматривает, что публичные действия гражданина, оскорбляющие или высмеивающие человека или вещь, являющиеся предметом почитания находящейся на территории государства церкви или религиозной общины, или вероучение, а также разрешенного со стороны государства обычая или устоя данной церкви или религиозной общины, вызывающие нарушение общественного порядка, подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок до шести месяцев или денежному штрафу размером до 360 дневных ставок денежного штрафа (§ 188). Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch) устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или денежного штрафа за умышленное и в грубой форме нарушение богослужения или совершение оскорбительного бесчинства в месте, которое предназначено для совершения богослужения (§ 167).

В уголовном процессуальном законодательстве необходимо закрепление:

недопустимости дискриминации по признаку отношения к религии;

недопустимости допроса в качестве свидетеля священнослужителя об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди (такое правило закреплено в п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ);

недопустимости возложения обязанности сообщать свою религиозную принадлежность, в том числе при предупреждении об ответственности за дачу ложных показаний. В постановлении ЕСПЧ от 3 июня 2010 г. по делу «Димитрас и другие (Dimitras and Others) против Греции» (жалоба № 42837/06 и др.)²⁶ установлено, что Уголовно-процессуальный кодекс Греции создал презумпцию православного христианского вероисповедания свидетеля, обязанного принимать религиозную присягу. Кроме того, требовалось, чтобы свидетели в уголовном разбирательстве заявляли о своей религии в любом случае, тогда как в гражданском судопроизводстве свидетели могли выбирать между религиозной присягой и официальным заявлением и, соответственно, не были обязаны сообщать о своих религиозных убеждениях. Судом был сделан вывод о том, что предписания уголовно-процессуального права Греции, обязывавшие заявителей раскрывать свои религиозные убеждения, чтобы сделать официальное заявление, обуславливали вмешательство в их свободу религии;

недопустимости привлечения к осуществлению функций присяжных заседателей (при наличии такого института) лиц, если это противоречит их

религиозным убеждениям (такая норма содержится в п. 7 ст. 326 УПК РФ);

недопустимости выдачи лица иностранному государству для уголовного преследования или исполнения приговора, если имеется возможность, что в отношении лица будет осуществляться преследование по признаку вероисповедания (норма закреплена в п. 2 ч. 1 ст. 464 УПК РФ).

В семейном праве необходимо установить:

запрет на ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признаку религиозной принадлежности. Такие запреты существовали ранее в нашей стране. Так, в Своде законов Российской Империи был установлен запрет на браки российских подданных православного и католического вероисповедания с нехристианами²⁷. В настоящее время в п. 4 ст. 1 СК РФ установлен запрет на семейно-правовую дискриминацию по признаку принадлежности к религии;

юридическое значение (либо правовую иррелевантность) религиозного брака. В Российской Федерации, как и во многих странах мира, признается только брак, зарегистрированный в органах светской власти. При этом в силу п. 7 ст. 169 СК РФ браки граждан, совершенные по религиозным обрядам в период Великой Отечественной войны на входивших в состав Советского Союза оккупированных территориях, имеют правовую силу. В некоторых странах юридические последствия порождает только религиозный брак (Ирак, Иран и др.) либо брак может быть заключен как в светской, так и в религиозной форме по выбору брачующихся (ст. 3.24 ГК Литовской Республики, ст. 53 Гражданского закона Латвийской Республики, § 666 ГК Чешской Республики);

учитывается ли религия ребенка и лиц, которым он передается, при устройстве детей, оставшихся без попечения родителей. В Российской Федерации принадлежность к религии учитывается при всех формах устройства ребенка, оставшегося без родительского попечения (абз. 2 ст. 123 СК РФ).

В гражданском праве необходимо установить положения о:

правосубъектности религиозных организаций, их статусе, порядке создания и регистрации, условий осуществления деятельности, ликвидации;

порядке имущественных взаимоотношений между религиозными организациями и органами публичной власти, в том числе основаниях и процедуре передачи имущества из публичной собственности в собственность религиозных организаций. В России, например, действует специальный Федеральный

²⁶ См.: Бюллетень ЕСПЧ. 2011. № 1.

²⁷ См.: Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. I «Свод Законов Гражданских». Кн. I «О правах и обязанностях семейственных». Разд. I. Гл. I. Отд. III. Ст. 85. СПб., 1912. С. 10.

закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»²⁸, регламентирующий основания и процедуры передачи в собственность и безвозмездное пользование религиозных организаций государственного или муниципального имущества религиозного назначения;

гражданско-правовых способах защиты прав и законных интересов верующих.

Отметим, что в Российской Федерации гражданско-правовое регулирование отношений, связанных с религиозной деятельностью, осуществляется не только в ГК РФ, но и в ряде других федеральных законов, в том числе в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»²⁹.

В гражданском процессуальном законодательстве необходимо установление:

равенства всех перед судом независимо от отношения к религии. В Гражданском процессуальном кодексе РФ такой принцип закреплен в ст. 6;

недопустимости допроса в качестве свидетеля священнослужителей об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди. Такое правило закреплено в п. 2 ч. 3 ст. 69 ГПК РФ;

особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, связанных с религиозными организациями и вопросами веры.

В трудовом законодательстве необходимо регулирование особенностей трудовых отношений с работниками религиозных организаций, в том числе возможно установление дополнительных оснований для увольнения таких работников.

Так, гл. 52 ТК РФ устанавливает особенности регулирования трудовой деятельности работников религиозных организаций. Согласно ст. 343 Кодекса права и обязанности сторон трудового договора, заключаемого с работником религиозной организации, определяются с учетом внутренних правил религиозной организации. Регулирование трудовых отношений с работниками религиозных организаций должно учитывать требования, предъявляемые к ним в соответствующих религиозных установлениях, а также характер выполняемой ими работы. Например, решением Бабушкинского районного суда г. Москвы от 18 мая 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16 ноября 2018 г., отказано в удовлетворении иска о признании незаконным увольнения истца,

который работал в Централизованной религиозной организации «Духовное правление мусульман Московской области» в должности имам-мухтасиба. Указом Председателя Духовного правления мусульман РФ он лишен духовного сана, что, как указали суды, полностью исключает возможность исполнения истцом обязанностей священнослужителя и является основанием для расторжения трудового договора на основании п. 13 ч. 1 ст. 83 ТК РФ³⁰.

ЕСПЧ также отмечает, что работа в религиозных учреждениях налагает дополнительные обязанности к поведению работников как в рабочее время, так и в быту, поддержав при рассмотрении одного из дел законность увольнения служителя мормонской церкви за супружескую измену, мотивировав тем, что увольнение в данном случае составляло необходимую меру, направленную на сохранение доверия к церкви, учитывая занимаемую истцом должность и значение обязанности пожизненной верности супруге³¹.

В жилищном праве следует регламентировать:

возможно ли осуществление религиозных обрядов в жилых помещениях (ч. 4 ст. 17 Жилищного кодекса РФ запрещает, кроме случаев, установленных ст. 16 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»);

допустим ли перевод жилого помещения в нежилое в целях осуществления религиозной деятельности. В п. 3.2. ст. 22 ЖК РФ такой перевод запрещается;

наличие или отсутствие льгот при предоставлении жилых помещений (например, дополнительная площадь), по оплате коммунальных услуг для священнослужителей (в Российской Федерации таких льгот нет).

В сфере регулирования образовательной деятельности необходимо установление:

принципа светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;

наличия или отсутствия права преподавания религиозных предметов в светских публичных школах. В соответствии с п. 1 ст. 87 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³² в основные образовательные программы могут быть включены учебные предметы,

³⁰ См.: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16 ноября 2018 г. по делу № 33–49576/2018 // СПС «КонсультантПлюс». ИБ «Судебная практика».

³¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 2010 г. по делу «Обст (Obst) против Германии» (жалоба № 425/03) // Бюллетень ЕСПЧ. 2011. № 3. С. 15.

³² См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.

²⁸ См.: СЗ РФ. 2010. № 49, ст. 6423.

²⁹ См.: СЗ РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

направленные на получение обучающимися знаний об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий);

наличия или отсутствия возможности не посещать отдельные занятия по религиозным мотивам (а также соблюдать определенный режим дня). В Постановлении ЕСПЧ от 10 января 2017 г. по делу «Османоу и Коджабаш против Швейцарии» указано на отсутствие нарушений ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в деле заявителей, которые обжаловали наложение штрафа за отказ по религиозным мотивам разрешать своим дочерям посещать обязательные смешанные занятия по плаванию в начальной школе. ЕСПЧ признал приоритет обязанности детей проходить полную школьную программу и их интеграции над частным интересом в освобождении от занятий плаванием по религиозным мотивам;

наличия или отсутствия возможности ношения религиозной одежды и религиозных символов обучающимися;

наличия или отсутствия возможности размещения религиозных символов в учебных учреждениях. В Постановлении ЕСПЧ от 3 ноября 2009 г. по делу «Лаутси (Lautsi) против Италии», принятому по вопросу обжалования демонстрации распятий в классах государственной школы, установлено нарушение ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Суд отметил, что государство в контексте публичного образования обязано соблюдать конфессиональный нейтралитет, если посещение классов является обязательным, независимо от религии и с учетом цели содействия развитию критического мышления у учеников.

Регламентация «точек соприкосновения» с религиозными отношениями должна осуществляться и в других отраслях права.

Отметим, что особую актуальность в настоящее время приобретают религиозные аспекты генной инженерии и искусственного интеллекта, которые как компоненты биоэтики также должны учитываться в рамках правового регулирования в указанных сферах.

Безусловно, государство посредством правового регулирования не может вмешиваться в такие сугубо религиозно-нравственные вопросы, как выбор веры, жизненные идеалы, смысл жизни, эстетические вкусы, деликатные сферы семейной жизни и т.д.

Отметим, что в настоящее время в России наблюдается повышение роли неправовых регуляторов, в том числе религиозных, *в правоприменительной деятельности*, происходит их интеграция с правовыми нормами и юридическая регламентация их места в системе правового воздействия.

В качестве примера такой интеграции можно привести гражданское дело, в котором Территориальное управление Росимущества по Владимирской области требовало от Российской Православной Автономной Церкви передачи религиозных объектов: «костных останков (Мошей) преподобной Евфросинии Суздальской» и «костных останков (Мошей) преподобного Евфимия Суздальского», ссылаясь в обоснование на то, что на территории г. Суздаля расположена Цареконстантиновская церковь, которая в 2009 г. решением Арбитражного суда Владимирской области была изъята из незаконного владения ответчика. В церкви находились мощи преподобных Евфросинии Суздальской и Евфимия Суздальского, которые при освобождении ответчиком церкви были незаконно перенесены в другое здание и не переданы в федеральную собственность.

Решением Суздальского районного суда Владимирской области от 23 октября 2013 г. иски были удовлетворены³³. Суд исходил из того, что согласно положениям Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей от 14 мая 1954 г. отнесение того или иного объекта к культурным ценностям зависит от значения этого объекта для историко-культурного наследия России. Суд пришел к убеждению, что мощи православных святых имеют общероссийское значение не только для Православной церкви, но и для истории русской культуры, антропологии и этнологии, поэтому могут находиться только в федеральной собственности. При этом судом к отношениям, связанным с передачей останков людей, являющихся в контексте религиозной практики верующих объектами религиозного поклонения, применены нормы ГК РФ о движимом имуществе и о его истребовании из чужого незаконного владения. Суд учел сложившееся многовековое восприятие этих останков именно как Святынь, исследовав значительный массив исторической и специальной религиозной литературы, допросив большое количество свидетелей из числа прихожан и служителей церкви. Указанное дело затрагивает не только юридические и религиозные вопросы, но и сферу этики, поскольку предметом спора являются останки людей, квалифицируемые как объекты прав — движимые вещи, что диссонирует с восприятием человека как высшей ценности, а «право», которое применил суд, фактически синтезирует нормы права, религиозные постулаты, нормы этики, культурологические явления и другие социальные регуляторы.

В целях определения степени распространенности религиозных регуляторов в правоприменительной деятельности судов при вынесении судебных актов, а также в целях определения отношения судей и студентов, получающих юридическое образование,

³³ См.: Дело № 2—974/2013 // Архив Суздальского районного суда Владимирской области.

к роли религиозных факторов в регулировании общественных отношений автором проведено социологическое исследование³⁴. На вопрос о том, как часто при вынесении решения используются *религиозные нормы*, подавляющее большинство судей (54%) ответило, что при вынесении решений никогда не используют религиозные нормы. Из оставшихся 46% судей: 37% применяют религиозные нормы, только когда в законе есть ссылка на религиозные нормы; 8% — не только когда в законе есть ссылка на религиозные нормы, но и когда это не противоречит духу законодательства и требуется для детализации правоприменительных процессов; 1% полагает, что каждое решение необходимо принимать, учитывая внутренние религиозные убеждения.

На аналогичный вопрос 34% студентов (т.е. на 20% меньше, чем судей) ответили, что, по их мнению, при вынесении решения судьи никогда не используют религиозные нормы. Кроме того, 62% студентов полагают, что судьи руководствуются религиозными нормами, когда в законе есть ссылка на них, а 4% считают, что религиозные нормы применяются судами и когда в законе есть ссылка на такие нормы, и когда это не противоречит духу законодательства и требуется для детализации правоприменительных процессов.

Проведенное исследование показало, что студенты гораздо охотнее судей отводят роль религиозным регуляторам в правоприменительной деятельности, что объясняется, по нашему мнению, как влиянием практической деятельности (закрывающимся в более формальном подходе к источникам правового регулирования), так и сущностью современного юридического образования, базирующегося не только на юридическом позитивизме, но и на концепции естественных прав человека.

Таким образом, в светском государстве должно происходить не обособление норм права и религиозных предписаний, но, напротив, их интегрирование, причем как в правообразование, так и в правоприменение.

На наш взгляд, принципами взаимодействия религии и права в светском государстве должны быть следующие положения:

³⁴ Подробные результаты исследования и их анализ опубликованы в статье: *Малышкин А. В.* Применение судами неправовых норм (По материалам социологического исследования) // *Росс. судья*. 2018. № 4. С. 8–13. Исследование проводилось 15 марта — 1 июня 2017 г. В опросе приняли участие 90 судей Гусь-Хрустального городского суда, Камешковско-го районного суда, Ковровского городского суда, Ленинского районного суда г. Владимира, Муромского городского суда, Октябрьского районного суда г. Владимира, Фрунзенского районного суда г. Владимира, а также 80 студентов Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

религиозные нормы усиливают действие права, подводя под него нравственное обоснование, а право и государство охраняют религиозные чувства, свободу совести;

религия не должна вмешиваться в сферы исключительно государственно-правового регулирования (например, политическая борьба, формирование органов государственной власти, инициирование военных действий, участие в разведывательной деятельности и др.);

государство не может вмешиваться в сугубо религиозно-нравственные сферы;

поскольку, как отмечал русский философ В. С. Соловьев, право есть «низший предел, минимум нравственности»³⁵, то религиозные нормы дополняют правовые нормы в тех сферах общественной жизни, которые регулируются одновременно и правом, и религией (духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание, благотворительность), устанавливая более требовательные правила поведения.

Предложенная в настоящем исследовании универсальная модель нормативно-правового регулирования отношений, связанных с религией, на внутригосударственном уровне в светском государстве может быть использована в большинстве светских стран в процессе нормотворческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Керимов Г. М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2012. С. 331, 336, 337.
2. *Малышкин А. В.* Применение судами неправовых норм (По материалам социологического исследования) // *Росс. судья*. 2018. № 4. С. 8–13.
3. *Мартышин О. В.* Светское государство (Статья первая) // *Государство и право*. 2018. № 11. С. 28–40.
4. *Мартышин О. В.* Светское государство (Статья вторая) // *Государство и право*. 2018. № 12. С. 104–115.
5. *Понкин И. В.* Правовые основы светскости государства и образования. М., 2003. С. 158.
6. *Посашкова А. В.* Взаимодействие религиозных и правовых норм в правообразовании: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. С. 98.
7. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М., 1996. С. 328.
8. *Baierl J. J.* The Catholic Church and the modern state. NY, 1955. P. 116–118.

³⁵ *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М., 1996. С. 328.

9. *Barcken W. van den*. Ideology and atheism in the Soviet Union. Berlin, New York, 1989. P. 87.
10. *Berger P.L.* The desecularization of the world: resurgent religion and world politics. Michigan, 1999. P. 2, 9.
11. *Galo Bilbao Alberdi et al.* La laicidad en los nuevos contextos sociales: estudio interdisciplinar, Santander, 2007. P. 304.
12. *Inglehart R., Norris P.* Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004. P. 16–18.
13. *Palomino R.* Legal dimension of secularism: challenges and problems // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2012. Vol. 2. P. 208–225.
14. Pew Research Center. 2017. Oct. 3. Many countries favor specific religions, officially or unofficially [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/09/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).
15. *Roy O.* Secularism confronts Islam. New York, 2007. P. 12.
16. *Sajó A.* Constitutionalism and Secularism: The Need for Public Reason // Cardozo Law Review. 2009. № 30. P. 2406.
17. The European Court of Human Rights in facts & figures – 2017. Strasbourg, 2018. P. 10, 11.
18. *Turner B.S.* Religion and social theory: a materialist perspective. London, 1983.
19. *Witte J.* The Study of Law and Religion in the United States: An Interim Report // Ecclesiastical Law Journal. 2012. Vol. 14. Issue 3. P. 327–354.
20. *Zucca L.* The Crisis of the Secular State: A Reply to Professor Sajó (February 14, 2009). I.CON, 2009. P. 4.
4. *Martyshin O. V.* Svetskoe gosudarstvo (Stat'ya vtoraya) // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 12. S. 104–115.
5. *Ponkin I. V.* Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya. M., 2003. S. 158.
6. *Posashkova A. V.* Vzaimodejstvie religioznyh i pravovyh norm v pravoobrazovanii: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2010. S. 98.
7. *Solov'ev V.S.* Opravdanie dobra. M., 1996. S. 328.
8. *Baierl J.J.* The Catholic Church and the modern state. NY, 1955. P. 116–118.
9. *Barcken W. van den*. Ideology and atheism in the Soviet Union. Berlin, New York, 1989. P. 87.
10. *Berger P.L.* The desecularization of the world: resurgent religion and world politics. Michigan, 1999. P. 2, 9.
11. *Galo Bilbao Alberdi et al.* La laicidad en los nuevos contextos sociales: estudio interdisciplinar, Santander, 2007. P. 304.
12. *Inglehart R., Norris P.* Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004. P. 16–18.
13. *Palomino R.* Legal dimension of secularism: challenges and problems // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2012. Vol. 2. P. 208–225.
14. Pew Research Center. 2017. Oct. 3. Many countries favor specific religions, officially or unofficially [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/09/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf> (data obrashcheniya: 15.01.2019).
15. *Roy O.* Secularism confronts Islam. New York, 2007. R. 12.
16. *Sajó A.* Constitutionalism and Secularism: The Need for Public Reason // Cardozo Law Review. 2009. № 30. P. 2406.
17. The European Court of Human Rights in facts & figures – 2017. Strasbourg, 2018. P. 10, 11.
18. *Turner B.S.* Religion and social theory: a materialist perspective. London, 1983.
19. *Witte J.* The Study of Law and Religion in the United States: An Interim Report // Ecclesiastical Law Journal. 2012. Vol. 14. Issue 3. P. 327–354.
20. *Zucca L.* The Crisis of the Secular State: A Reply to Professor Sajó (February 14, 2009). I.CON, 2009. P. 4.

REFERENCES

1. *Kerimov G.M.* Shariat: Zakon zhizni musul'man. Ot-vety Shariata na problemy sovremennosti. SPb., 2012. S. 331, 336, 337.
2. *Malyshkin A.V.* Primenenie sudami nepravovyh norm (Po materialam sociologicheskogo issledovaniya) // Ross.sud'ya. 2018. № 4. S. 8–13.
3. *Martyshin O. V.* Svetskoe gosudarstvo (Stat'ya pervaya) // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 11. S. 28–40.
4. *Martyshin O. V.* Svetskoe gosudarstvo (Stat'ya vtoraya) // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 12. S. 104–115.
5. *Ponkin I. V.* Pravovye osnovy svetskosti gosudarstva i obrazovaniya. M., 2003. S. 158.
6. *Posashkova A. V.* Vzaimodejstvie religioznyh i pravovyh norm v pravoobrazovanii: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2010. S. 98.
7. *Solov'ev V.S.* Opravdanie dobra. M., 1996. S. 328.
8. *Baierl J.J.* The Catholic Church and the modern state. NY, 1955. P. 116–118.
9. *Barcken W. van den*. Ideology and atheism in the Soviet Union. Berlin, New York, 1989. P. 87.
10. *Berger P.L.* The desecularization of the world: resurgent religion and world politics. Michigan, 1999. P. 2, 9.
11. *Galo Bilbao Alberdi et al.* La laicidad en los nuevos contextos sociales: estudio interdisciplinar, Santander, 2007. P. 304.
12. *Inglehart R., Norris P.* Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004. P. 16–18.
13. *Palomino R.* Legal dimension of secularism: challenges and problems // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2012. Vol. 2. P. 208–225.
14. Pew Research Center. 2017. Oct. 3. Many countries favor specific religions, officially or unofficially [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <http://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/09/FULL-REPORT-FOR-WEB.pdf> (data obrashcheniya: 15.01.2019).
15. *Roy O.* Secularism confronts Islam. New York, 2007. R. 12.
16. *Sajó A.* Constitutionalism and Secularism: The Need for Public Reason // Cardozo Law Review. 2009. № 30. P. 2406.
17. The European Court of Human Rights in facts & figures – 2017. Strasbourg, 2018. P. 10, 11.
18. *Turner B.S.* Religion and social theory: a materialist perspective. London, 1983.
19. *Witte J.* The Study of Law and Religion in the United States: An Interim Report // Ecclesiastical Law Journal. 2012. Vol. 14. Issue 3. P. 327–354.
20. *Zucca L.* The Crisis of the Secular State: A Reply to Professor Sajó (February 14, 2009). I.CON, 2009. P. 4.

SOME ASPECTS OF THE INTEGRATION OF RELIGIOUS AND LEGAL NORMS IN A SECULAR STATE

© 2019 A. V. Malyshkin

Stoletovs Vladimir state University

E-mail: law33region@yandex.ru

Received: 25.01.2019

The article analyzes the interaction of legal norms and religious in a secular state.

It is argued that in a secular state there should be no separation of the rules of law and religious precepts, but, on the contrary, their integration. The lack of legal regulation of relations related to religion, as well as inconsistent and non-systematic regulation of them, can lead to abuses by the state, its bodies and officials against religious organizations, believers, violation of the rights of citizens to freedom of conscience and religion, discrimination, and direct interference of religious organizations in the activities of the state, forced “conversion”, religious extremism.

A model of legal regulation of relations related to religion at the domestic level in a secular state and ways to optimize the legislation in the analyzed area are proposed.

Key words: religion, secularization, desecularization, legal regulation, social regulation, integrated jurisdiction, secular state, religious norms, legal norms, social norms.

Сведения об авторе

МАЛЫШКИН Александр Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Судебная деятельность» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Authors' information

MALYSHKIN Alexander V. — PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department “Judicial activity” of Stoletovs Vladimir state University